

Р. С. Туров, г. Тюмень

РОЛЬ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТРАДИЦИЙ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследуя культуру современной России необходимо уточнить период ее развития с позиции концепции модерна. Ведущий специалист по этой проблеме А. В. Павлов говорит, что российские граждане живут в межцивилизационный период, во времена «войны каждого против каждого». По сути, в обществе происходит борьба смыслов и экзистенций каждого субъекта. В таких обстоятельствах человек получил свободу от любых устойчивых ориентиров и перед ним открылись три пути общественного развития: «восстановить утраченный советский строй, примкнуть к какой-то из соседних цивилизаций или опять сочинить что-нибудь новое, нигде и никогда не бывавшее» [4: 4].

Тем временем мировые культуры и процессы глобализации поставили Россию перед необходимостью модернизации, что мы можем наблюдать в изменении экономической ситуации в стране. Снижение цены на нефть и как следствие рост цены доллара не может не сказаться на развитии культурных институтов. Поэтому так часто сегодня можно заметить новостной материал о тех или иных технических инновациях. Но стоит признать, что это еще не модернизация. Дело в том, что модернизацию необходимо начинать с диалога между группами, а диалог станет возможным только после выявления ценностного содержания общественного сознания и сознания каждого субъекта в отдельности.

Дабы изначально определить область исследования возьмем за основу два ключевых понятия с их определениями. «Модернизация является моделью адаптации человека и общественных институтов к изменяющейся в течение времени среде, предполагающей, во-первых, актуализацию личностных и общественных потребностей и интересов, во-вторых, консолидацию обладателей сходных интересов и потребностей и, в-третьих, участие консолидированных групп в формулировании и выборе конструктивных путей реализации этих интересов и удовлетворения потребностей» — как пишет С. С. Стрельников [5: 9]. Традиции же будем понимать как: «элементы социально-культурного наследия, сохраняющиеся в обществе или в отдельных социальных группах в течение длительного времени» [2: 577].

Пожалуй, одним из фундаментальных культурных наследий для Российского общества явились традиции советской культуры. Подтверждение данного вывода можно найти в социальных отношениях практически любой сферы общественной деятельности. Ценности эпохи советского модерна проносятся сквозь меняющиеся политические режимы и экономические модели — как валун, скатывающийся с горы, сметая на своем пути ростки современной культуры. Выявив эти традиции, мы обнажим барьеры, сдерживающие истинную модернизацию нашего общества. Каковы же они? Постараемся ответить на этот вопрос.

В советское время познание гражданина ограничивалось линией коммунистической партии. Марксистско-ленинское учение и научный коммунизм составляли клетку для сознания советских граждан. В результате институт образования не способствовал развитию способности субъекта свободно и самостоятельно познавать окружающий мир. Наоборот, субъекту с детства старались создать потребность в необходимости единственно верных и общезначимых знаниях, а также в поводе, указывающем путь истинной человеческой жизни. В сегодняшние дни у субъекта появился доступ к Интернет-ресурсам с разнообразной информацией, но институт школы сохраняет традицию запретов: «Сегодня ребенок дома получает Интернет и огромное количество новых знаний, а потом он приходит в школу и ему говорят: «Стоп! Закон о защите детей от информации запрещает нам это и то. Закон о персональных данных запрещает то и это». В результате возникает грустная ситуация, при которой в школу ходят не для того, чтобы узнавать новое, а потому что так принято» [6]. Подобный способ не учит детей защищаться от нежелательной информации, а лишь предписывает им запреты. Большинство сегодняшних выпускников школ помнят таблицу умножения, но назвать виды познания смогут лишь единицы. Несмотря на то, что по нынешним стандартам образования эти знания усваиваются на уроках обществознания.

Можно сделать вывод, что в школьном образовании не делается акцент на обучение способам познания. У человека не воспитывается ответственность за поиск и анализ информации. Вся ответственность, в данном случае, лежит на учителе, что является предпосылкой инфантилизма обучающегося. Ученик становится не способным воспринимать информацию критически. В дальнейшем эта особенность определяет его легкомысленное отношение к философии и, как следствие, сужение границ свободного мышления.

Что касается самой философии, то тут методологическая база и понятийный аппарат сформированы на основе советской философии и до сих пор имеет место быть преподавательские практики, выдающие подобные знания за истинные. Возникает неадаптивность используемых определений, терминов преподавателями и учителями.

Вторую традицию можно выразить в следующем афоризме: «грех тем родителям, которые не выкормят своих детей до их старости». Сегодняшние реалии предполагают изменение социального статуса в основном на основе родственных отношений. Последствие доминирования данного социального лифта — отсутствие мотивации для обучения специалистов. Действительно, зачем человеку испытывать стресс в процессе поиска необходимых знаний, их изучения и последующего анализа, если ему и так уже гарантирована престижная работа, выполняя которую, он, мало по малу, освоит традиционный уровень навыков и умений, а отсутствие динамично развивающейся конкуренции обеспечит долговременное пребывание в должности.

Следующая традиция предполагает наличие желания не выполнять полезную для общества деятельность и получать вознаграждение, а также занять должность, пребывание в которой, позволит затрачивать меньше рабочего времени, меньше усилий и обеспечит возможность переключивания своих обязанностей на подчиненных. Причем, переключивание обязанностей важнее последующего вознаграждения.

После советского социализма наше общество перешло к капитализму. Только смена экономической формации не позволила повысить уровень производительности труда до показателей западных стран. Капитализм, существующий в США, коренным образом отличается от капитализма в России. Работник американского предприятия владеет частью акций этого предприятия и помимо зарплаты получает прибыль, исходя из стоимости акций. В то время как российский работник довольствуется лишь заработной платой. В итоге, степень мотивации западного работника такова, что он не только работает добросовестно и с полной отдачей, но и следит за тем, чтобы его коллеги не работали «спустя рукава». Поэтому капитализм, позволивший поднять производительность труда в США, называется народным, а капитализм в России является периферийным.

Отчуждение собственности на результаты производства сказалось и на интеллектуальном труде. Сегодня часто говорят о невостребованности науки на производстве. И дело тут не только в нежелании собственников капиталов производить продукты, соответствующие передовым современным возможностям. Как оказалось, законодательство России не адаптировано для защиты прав на интеллектуальную собственность творческих людей. Поэтому можно услышать о том, как ученые из России уезжают трудиться за границу, по причине отсутствия интереса работать лишь для пополнения архива научных разработок. Отсюда и утрата авторитета интеллектуальной профессии и научной деятельности в целом. Знание перестает быть силой, а становится лишней информацией.

Таковы традиции советского общества, лежащие «камнем преткновения» перед ответом на вызов современности. Преодолеть данное препятствие способна только свободно мыслящая и деятельная личность. Для ее формирования философия имеет первостепенное значение. Необходимо изучать метопознание и применять полученные знания при восприятии информации. Иначе ее поток способен унести сознание человека сегодняшних дней в бездну невежества. Умение оценивать информацию критически может стать основой формирования свободной личности, а ее применение в своих действиях с учетом экзистенций других субъектов позволит создать площадку диалога для современного демократического общества.

Литература

1. Грозовский Б. Изобретенная традиция СССР // INLIBERTY, 01.07.2016 // <http://www.inliberty.ru/blog/2336-Izobretennaya-tradiciya-SSSR>
2. Бестужев-Лада И. В. Традиция // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Республика, 2001. — 719 с.

3. Каспе И. Границы советской жизни: представления о частном в изоляционистском обществе // НЛО, 2009, № 100 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ka39.html>
4. Павлов А. В. Человеческий взгляд. Избранные статьи научного журнала «Социум и власть» Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС, 2013 — 249 с.
5. Стрельников С. С. Взаимодействие политической культуры и конфессионального сознания в условиях модернизации в России: автореф. дисс. канд. филос. наук. — Тюмень, 2014. С. 9.
6. Чачко А. Анатолий Шперх — о том нужна ли вообще школа и зачем. — Мел // <http://mel.fm/2016/02/10/Shperh>

С. В. Туров, Е. И. Турова, г. Тюмень

ПОХОДНЫЕ ИКОНЫ ЕРМАКОВЫХ КАЗАКОВ

Ермак и его казаки во время сибирской экспедиции имели при себе иконы, поскольку были людьми православными. В православии культ икон носит повсеместный характер, кроме того считалось, что «в путях», а уж тем более в сражениях иконы являются едва ли ни главной гарантией успеха. Согласно преданию, у ермаковцев имелась походная часовня [3:13; 9:45]. Тобольский церковный историк А. И. Сулоцкий в середине XIX в. насчитал в главном храме Сибири, Софийском соборе г. Тобольска, 7 икон, якобы ранее принадлежавших «часовне Ермака». Однако сюжеты только двух из этих икон упоминается в литературе. Одна из них «...икона Христа Спасителя с предстоящими в серебряных венцах» [8:2]. Хранитель Тобольского древлехранилища А.И. Юрьевский в 1902 г. датировал эту икону началом XVI в. и отнес к «новгородскому письму» [6:159]. После революции древлехранилище было разграблено и следы иконы затерялись. Известно также, что в Софийском соборе до 1826 г. хранилась «ермакова икона» святителя Николая «с серебряным золоченым венцом», «...которую бывший тобольский архиепископ Евгений в июле 1826 года препроводил в Санкт-Петербург ко дню коронации государя императора Николая Павловича» [3:13]. И это был не первый подобный подарок. Предшественники владыки Евгения также раздаривали «ермаковы иконы» по самым различным поводам. Вот что писал об этом А. И. Сулоцкий: «Из прочих («ермаковых икон» — С. Т.) как замечательных исторически, преосвященными тобольскими одни были отправлены для поднесения государям императорам по случаю их восшествия на престол или коронации, а другие розданы для благословения разным лицам, например, сибирским губернаторам и воеводам» [1:352].

Двумя «ермаковыми иконами» мог похвастаться еще в начале XX в. г. Березов Тобольской губернии. На одной из этих икон был изображен архангел Михаил, на другой — святой Николай Мирликийский. Согласно преданию, иконы были принесены казаками — основателями Березовского острога, пришедшими в Сибирь еще с Ермаком. Предание сохранило даже имена березовских ермаковцев: Шах, Лях, Мещеряк и Оболта. От этих казаков вели свой род представители древнейших березовских фамилий: Шаховы, Мещеряковы и Оболтины [7:351; 2:32]. Березовские казаки считали обе иконы своими палладиумами. В канцелярии городского казачества даже имелся своеобразный заместитель этих икон — образ, на котором были изображены архангел Михаил и святитель Николай. Подлинники же «ермаковых икон» находились в березовском Воскресенском соборе. В 1848 г. для иконы архангела Михаила «усердием березовских казаков» был устроен позолоченный кивот, и в таком виде икона была поставлена на триподий (треножник) близ правого клироса Никольского придела [2:33]. В 1857 г. образ архангела Михаила находился в иконостасе Казанского придела, по левую сторону от пономарских врат. Образ св. чудотворца Николая Мирликийского помещался в одноименном приделе: «По правую сторону царских врат в первом ставе иконостаса...» [7:37].

Н. А. Абрамов в свое время описал обе березовские «ермаковы иконы». Образ Архангела Михаила: «писан на доске длиной три четверти аршина, шириной — около 10 вершков, которая так ссохлась, что в сравнении со своим объемом сделалась очень легкой. По краям и, особенно по углам она истерлась и призатухла (видна гнилость). Один нижний угол с обратной стороны неизвестно когда обгорел.